

УДК 81'374.6

ВОСПРИЯТИЕ «ЧУЖОГО» И «ПРОФЕССИОНАЛА» КАК КОЛДУНА, ЗНАХАРЯ (по данным «Словаря демонологической лексики Пермского края. Часть 1. Люди со сверхъестественными свойствами») ¹

Ирина Ивановна Русинова

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. irusinova@mail.ru

Рассмотрены лексические единицы «Словаря демонологической лексики Пермского края. Часть 1. Люди со сверхъестественными свойствами», обозначающие людей, которым деревенское сообщество приписывает владение магией. Эти слова называют людей, на основании какого-либо признака воспринимаемых окружающим социумом в качестве «чужих»: они имеют отличия во внешнем облике (*безрукий, горбатый, слепой, черноглазый, рыжий*), принадлежат к другому этносу (*пермяк, татарка, немка*) или конфессии (*кержак*), владеют какой-либо профессией (*настух, коновал, кузнец, мельник, врач*). Делается вывод о том, что принадлежность того или иного человека к группе «чужой» для деревенских жителей является основанием для отнесения его к потенциально опасным и позволяет наделять его сверхъестественными свойствами.

Ключевые слова: народная демонология; демонологическая лексика Пермского края; колдун; знахарь; чужой; профессионал.

На протяжении нескольких десятилетий пермские собиратели фиксировали мифологические тексты – рассказы о демонах (духах различных локусов) и людях, которым приписываются демонические свойства. Эти полевые материалы легли в основу «Словаря демонологической лексики Пермского края» (составители И. И. Русинова, А. В. Черных, К. Э. Шумов, Л. С. Нечаева). В настоящее время подготовлен первый том этого словаря, посвященный людям. Данный словарь включает разные единицы. Есть в нем такие, которые называют колдунов, знахарей не только на исследуемой территории, но и в широком русском ареале: *бабка, бабушка, ведун, ведунья, ведьма, вещица, еретик, еретник, знаткой, знающий, знахарь, знахарка, колдун, колдовка, лекарь, лекарша, портун, присушник, словарка, словесник, чернокнижник* и др. На них мы останавливаться не будем. Они представлены и описаны во многих словарях [Власова 1995; Востриков 2000; Левкиевская 2001, 2005; РДС; СМ; СРНГ и др.], сборниках текстов [Дранникова 2009; Мороз 2013; Черепанова 1996 и др.], других работах [Криничная 2004; Черепанова 1983 и др.].

Мы рассмотрим единицы иного рода. До сих пор жители деревни транслируют в языковом материале представления о колдунах и знахарях как людях, отличающихся от типичных представителей деревенского социума какими-либо чертами внешности, своей национальной, конфессиональной принадлежностью, владением профессиональными знаниями и умениями и т. п. Любое существенное отличие, выделяющее человека традиционной культуры на общем социальном фоне, отмечается народным сознанием и переводит этого человека в ряд «не своих», «чужих». Таким людям приписываются демонические свойства, их считают колдунами.

«Бинарное противопоставление “свой – чужой” является одной из базовых семантических оппозиций в народной культуре... Оппозиция “свой – чужой” в приложении к социуму осмысливается через разноуровневые связи человека: кровно-родственные и семейные (свой/чужой род, семья), этнические (свой/чужой народ, нация), языковые (родной/чужой язык, диалект), конфессиональные (своя/чужая вера), социальные (свое/чужое сообщество, сословие)... Признаки “чужести” могли приобретать и члены

“своего” коллектива (семьи, общины)» [Белова 2006: 28–29].

1. **Физические недостатки** или **особенности** некоторых людей из «своего» сообщества часто выступают маркером «чужого», даже демонического, и дают основание для осознания их деревенским сообществом как потенциально опасных: Кроме того, есть еще одна причина, позволяющая народному сознанию относить таких людей к колдунам. Духи локусов, в частности леший, мифология которого хорошо сохранилась в лесных частях России (в том числе и в Пермском крае), часто наделяются сходными чертами: у них тоже может иметься физический дефект. «Показателями демонической сущности [мифологического персонажа. – И. Р.] часто выступают телесные аномалии (хромота, горбатость, одноглазие, слепота и т. п.)...» [Виноградова 2000: 118]. Связь колдунов с нечистой силой – один из основных мифологических мотивов. Например, в русских мифологических текстах такая связь реализуется в модели «глагол *знать* (*знать*) + имя демона»: *знать бесей* (*кутек, мелких, окояного, чертей*), *знать с* (*бесом, бесями, водяным, дьяволом, кулешатами, лесным, лесным дедушкой, лесным хозяином, лешим, нечистой силой, нечистым духом, окоянным, сатаной, чёртом, чертями*) и т. п. Черты демона автоматически переносятся на человека, потенциально с ним связанного.

Представим такие единицы, зафиксированные собирателями в Пермском крае: **безрукий** (*Он безрукой, настоящий колдун. Портит много, чертей, видно, насаживает* (Талица Краснов.)); **горбатый** (*Много колдунов было дак. Ещё одна была горбатая девка. Также знала много. Ак вот она умерла, дак мужику-ту казалася она всё, бегала за им* (Беляевка Охан.)); **косошарый** (**Косошарый он. Изурочит, раз такие глаза плохие** (Мартино Краснов.); **слепой** (*Говорят, умирает колдун трудно, если не передаст своё умение. Андрей умер легко. Искусство своё чёрное передал Гришке слепому* (Аптугай Куед.)).

2. Еще одна группа людей, которые осознаются как возможные носители магических способностей, – это люди, имеющие отличия во внешности от большинства в деревенском окружении. Например, *цвет волос и глаз* тоже оказывается существенным для того, чтобы включить или не включить человека в свою социальную группу и таким образом считать его безопасным или опасным для сообщества. Жители Русского Севера и Урала обладают по преимуществу светлыми волосами (белокурыми, русыми) и глазами светлых оттенков (серыми, голубыми). Поэтому

те, кто имеет нетипичный цвет глаз и волос, относятся народным сознанием к «чужим». Кроме того, прилагательное «черный», наиболее «востребованное» в таких единицах, в народной культуре является маркированным, оно выступает сигналом потенциально опасного, часто связанного с потусторонним миром: «Черное – один из основных элементов цветовой символики, противопоставлен белому по признаку «темный/светлый»; обладает однозначной негативной символикой, ассоциируясь с несчастьем, мраком, землей, смертью, нечистотой, с “чужим”, злым или демоническим началом, с потусторонним миром» [Белова 2012б: 513–514].

К единицам этой группы можно отнести следующие: **рыжий, чёрный, черноглазый, чёрные глаза**: *А ещё говорят, что рыжих нельзя к скотине пускать: испортят* (Андреевка Охан.). *Тут вот у нас про Колю Рыжего ходили слухи: он коров портит* (Усть-Зула Юрл.). **Черноглазые-то сильно урошливые все** (Усть-Лог Сукс.). *Был в деревне чёрный мужик, у него волосы чёрные, борода чёрная, сам маленький. Их называли колдунами; Все колдуны чёрные, и глаза у них чёрные* (Редикор Черд.).

3. Другая группа единиц, которые называют людей, выступающих возможными носителями сверхъестественных способностей, – это этнонимы. Представители иных этносов, проживающие в русском деревенском социуме, осознаются как чужие, следовательно потенциально опасные, могущие причинить вред. В пермских материалах зафиксированы следующие единицы, обозначающие «этнически чужих»: **пермяк, пермянка, татарка, татарочка, немка, хохлушка, цыган, цыганка, черкизец, чудь**.

Существительные **пермяк, пермянка** называют представителей коренного населения Пермского края. «В районах со смешанным населением подозрения в колдовстве и, шире, во владении магическим знанием обычно падают на автохтонов, “хозяев” территории» [Христофорова 2010: 201]. Материалы, записанные в Пермском крае, лишней раз подтверждают высказанное мнение: **Пермяки** [коми-пермяки] *шибко много знают. Заговаривают и кровь, нарывы тоже. Сколько раз у меня красная рожка была, пухнет и краснеет, а они снимают. Берут сучок с углём, почертят, почертят, заговорят. И тоже молитвы читают* (Половодово Сол.). [А вы знаете таких людей, которые порчу наводят?] *Да это всё пермяки. Они люди знающие... Идешь по дороге, запнулся, надо [сказать] «Господи, благослови», а ты матернёшься, пошибка [злой дух, вызывающий болезнь «икоту»]. – И.Р.] залетит. Она как*

мушка, в рот залетит. [Откуда эта пошиба берется?] Пошибку пермяки делают. В навозе есь жуки, их ловят, садят в туесок. Слова, наверно, есть. Вот жуков изрубят мелконько и потом делают мух (Чермоз Ильин.). В соседней деревне был один знающий, да старуха одна, пермянка, тоже людям делала. А у нас не было таких-то (Новоселы Кос.).

Настороженное отношение соседних русских к коми-пермякам объясняется еще одним обстоятельством. До сих пор в среде коми-пермяков (в подавляющем большинстве женщин) распространена «икота»: *Очень много у пермяков икота. Когда жила там, часто слышала, а у русских ни разу не встречала (Ильин.).* Это заболевание характеризуется приступами, во время которых больные икают, кричат, подражают голосам зверей и птиц, сквернословят, говорят от другого имени. Такое поведение больного носителя традиции объясняют действием злого духа, которого колдун внедряет в тело своей жертвы. Считается, что этот дух может «переселиться» в другого, чаще это происходит в момент смерти больного «икотой» человека: *У одной бабушки была икота да сама, говорят, говорила: «Я летела, летела да очень замёрзла. Залетела на порог и под метлу села. Потом, кто понравился, к тому и зашла» (Лопвадор Кудымк.).* Страх перед «икотой» распространен не только у русских, проживающих в смешанных или пограничных с Коми-Пермяцком округом населенных пунктах, но и самих коми-пермяков: *Я хоть и сама пермячка, но как-то с пермяками я не могу. [Почему?] У них ведь икотки эти, я боюсь прямо (Юсв.).*

С другой стороны, и иноэтничные представители (в частности, татары) в коми-пермяцкой и русской среде воспринимаются как «знающие», способные причинить вред колдовством или излечить сверхъестественным способом: *Свёкор, свекровка поехали в Сольм покупать тёлку. И с вечера договорились с одной женщиной. Она была сама переселенка, татарка. Татарки, они знающие, они очень знающие некоторые, колдуны (Несоли Кос.). Тёте, сестре моей матери, на свадьбе что-то подали выпить. Болела она долго. Повели её далёко, к татарке одной. Дала ей татарка что-то выпить. У той червяк вышел, большой, мохнатый. Татарка сказала в печку его бросить. Его в печке и сожгли (Нердва Караг.).*

Единицы, рассмотренные выше, называют представителей народов, формирование которых приходится на ранние периоды этнокультурной истории Пермского края.

Подобное отношение обнаруживается и к людям других национальностей, позже попавших в изучаемый регион и проживающих сегодня в русской лингвокультурной среде. В годы советской власти территория Пермского края приняла несколько волн переселенцев. «Раскулачивание и репрессии 1930-х гг. привели к переселению в Прикамье большого числа украинцев и белорусов. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. в Прикамье было депортировано около 40 тыс. немцев из Украины, Белоруссии, Поволжья» [Черных 2007: 4]. Данные, собранные в Пермском крае, рисуют представителей и этих этносов как обладающих сверхъестественными знаниями и умениями: *У меня была экзема, дыхнуть нельзя. Два раза сходила к немке – всё прошло (Новая Зырянка Усол.). Потом бабушка-хохлушка была – Ромашючка. Она личила. Ходила я к ней. Она говорит: «Ты оставишь у меня рубашку, которая на тебе». А потом она читает. Потом уже прихожу на другой день, говорит: «Как, говорит, тебе наколдовано, что просто хлебные крошки не тонут! Вот как она сделала» (Б. Кикус Черд.).*

Не является неожиданным среди единиц, называющих людей, которым приписываются магические возможности, появление слов **цыган**, **цыганка**: «цыган – в верованиях и фольклоре персонаж, относящийся к категории “чужих”, обладающий природной хитростью, сверхъестественными способностями, связанный с нечистой силой...» [Белова 2012а: 493]. Данные представления отражены и в наших материалах: *Потом пришла какая-то цыганка и сказала матери, что вылечит отца. Достала золотое яичко и начала отцу по боку катать. И выкатала камень, как яйцо. А на камне много глазок было. Камень в печку выбросили (Чердынь).*

Особняком в наших материалах стоит слово **чудь**, которым тоже называли людей, обладающих демоническими свойствами: *Раньше ведь чудь была. Люди могли всяко обворачиваться. Обворачивались тем, другим... Вот в обозе ездил Леонтий, говорил: «У нас-де есь етто эта чудь. Колдует да чё». Не знаю, насколько справедливо (Акчим Краснов.).*

Предания об этом легендарном автохтонном народе, который прежде обитал на пермских землях, собиратели фиксировали неоднократно. Названия этих людей в пермских говорах имеют много вариантов: «чужчий, цуцки, чучки, чучканы, чуды, чучи, цуци, цуца, чудки, чутки, чучкари» [Полякова 1991: 64–65] (*Чучкари-то на городище жили. Там чечки находили, изрушки таки медные, маленькие (Лимеж Черд.).* Прежде река

ходила, и городок остался. И на этом городке, говорят, какие-то жили **чучканы**, первые люди. Уролки ещё не было (Усть-Уролка Черд.) [СРГСПК]). Но имя «чудь» известно и далеко за пределами и Пермского края: «Чудь – в народных верованиях русских Европейского Севера, Урала, Сибири – мифическое население разных эпох. Чуди приписываются свойства инородцев, антагонистов-нехристей, мифических предков, нечистой силы... Наиболее вероятно принадлежность этого слова к гнезду праслав. *tjudьь ‘чужой’» [Березович 2012: 560]. Как видим, предположительная этимология слова выводит на представления о «чуди» как о «чужом» народе, который мифологизируется в соответствии с уже рассмотренной выше схемой *автофтоны / иноэтнические люди* → *колдуны*.

4. О. Б. Христофорова указывает, «что, кроме “этнически чужих”, существуют и другие категории *чужих*, позволяющих видеть в них источник потенциального зла, проецировать на них собственные негативные чувства и приписывать им колдовские способности», и выделяет разные уровни взаимодействия людей, на которых могут проявляться отношения “свой – чужой”. Одним из таких уровней автор называет отношения между жителями различных районов территории [Христофорова 2010: 192–193]. Данного вида отношения нашли отражение в лексических единицах представляемого словаря. Например, слово **чердак** обозначает переселенца (выходца из северного – Чердынского – района Пермского края), который воспринимается в деревенском социуме южных районов края как возможный носитель магических знаний, умений и приемов: *Рассказывали, что отпускали волками. Мы вот ждали это [здесь] на поле рожь ли пшеницу. В аккурат по моей постати вышло пять волков. Эти волки сели на дорогу и сидят. Потом сказали одной бабе: «Там овец пасёт твой парень, волки туда ушли, на гору, в лес». Она побежала, уже не видно их. На другой день приходит мужик, мы опять жнём на этом поле: «Вы волков не видели?» – «Видели». – «Куда они ушли?» – «Вот туда». Оборотни, grit, были. **Чердаки** там всё много тешились над людьми, там по Ирени. Рассказывала, оборотни. Их обратили. Молода-то рассказывала: «Тёлку я у вас задавила, заставляю ведь нас-то». Как волки были (Шарынино Орд.)*

5. Отношения между разными конфессиональными группами тоже часто осознаются в категориях «свой – чужой» и проявляются в приписывании «конфессионально чужим» сверхъестественных способностей. Косвенным

доказательством актуальности таких отношений в современной пермской деревне является использование русскими и коми-пермяками этнонимов **татарка**, **татарочка** для обозначения «знающих» (примеры см. выше) в силу стереотипного представления о татарах как людях, исповедующих ислам. Другим примером может служить лексема **кержак**, которая в контексте рассказов о колдунах приобретает следующее значение ‘старообрядец, который воспринимается представителями православия в деревенском социуме как возможный носитель магических знаний, умений и приемов’: *Вот раньше у нас были такие... всегда вот кержаки очень много садят. Если им не понравится, или они по ветру отпускают, или они кому хочешь посадят и... [А за что?] Ну, вот поди спроси, надо... Им надо вот. Вот пусть, и всё... Вы в дома заходите, молитву творите. Перекреститесь. Как к кержакам заходить, так перекреститесь (Сив.)*. Причем О. Б. Христофорова, приводя этот контекст в своей книге, указывает и на другие примеры, свидетельствующие о том, что местные старообрядцы (проживающие в Сивинском и Верещагинском районах Пермского края) считают некоторых людей из «своей» конфессиональной группы колдунами: *А люди такие есть, садят. Такие люди есть, самые как бессовестные, и вот куда-то чё-то надо каку-то молитву, налаживают. И на ворота, и на дверях. Если ты без молитвы пойдёшь, и... Особенно вот кержачьё кержакам садят (Сив.)* [Христофорова 2010: 202]. Здесь граница оппозиции «свой – чужой» проводится уже не между конфессиями, а внутри конфессиональной группы, т. е. «социальное освоение чужих в принципе не может быть завершено, поэтому и те, кто уже стал своим, сохраняют потенциальную опасность» [там же: 197].

6. Разные специалисты, т. е. люди, умеющие делать то, чего не умеет делать большинство жителей деревни, тоже выделяются на фоне остального сообщества и часто осознаются как колдуны. Зафиксировано в пермских мифологических текстах (правда с ироничным оттенком) и само слово **специалист**: [Вы не подозреваете, кто вам посадил пошибку?] ... *У нас специалист тут в деревне есть вот сейчас (Вер.)*. *Есть колдуны, они не перевелись. Сейчас даже делают зубы, заболят если. Рожу напускают. Есть такие специалисты, но редко стало (Советна Сукс.)*.

В словаре представлены типичные для текстов Русского Севера существительные, обозначающие профессионалов:

коновал, **конюх**: *У нас в той-то стороне Сретенской колдуны были. Их коновалами там*

звали (Субботино Ильин.). *Ещё мне года не было, я лежала при смерти. Мама говорит, я только смотрела душу [проверяла, дышит или нет. – И.Р.] у меня. И зашёл, говорит, коновал. Зашёл, ведь не видел, только зашёл, сразу на западёнку сел и говорит: «Водись, водись, молодушка, девочка живучая. Двадцати пяти лет она из мёртвых оживёт» (Бондюг Черд.). Знающих, коновалов, в этих местах нету (Вторые Ключики Орд.). Степан-от конюх, дак он уж колдун был. Бывало, спортит человека, дак вот уж тот заболевает, не к добру (Касиб Сол.). Алексей конюхом был. Он слова знал присушивать и разводить. Не надо – дак разведёт, дак будешь как медведь с медведицей жить. А не любит – дак присушит (Касиб Сол.);*

кузнец: *Один колдун кузнецом робил. Отец с этим колдуном дружил. Как-то раз отец колдуна домой привёл. Отец даёт матери кошелёк и говорит: «Снеси в подвал». Она подвал открыть не смогла, перепугалась. На следующий день заболела. Повезли её к лекарке, лекарка и говорит: «От кузнеца попало». Так моя мама всю жизнь и болела (Тетерино Сол.). У нас в деревне жил в маленьком домике Андрей-кузнец. Кузнецом он был всю свою жизнь, так его и прозвали. Известность же у него была не от профессии кузнечной – славился дядя Андрей как злой колдун (Аптугай Куед.);*

мельник: *Мельник и ещё один мужик (оба колдуны) из К. Мать моя видела, как они спорили: один другого заставлял грызть отходы. Мельник по глазам видел беременность (Ильин.). Мельник был, что-то знал, колдовал. Русалок всяких ребятам казал. Прибежат на мельницу рыбачить да чё да, он и русалку им казал (Калиновка Черн.). Чаше колдун мельник-то. Григорий вот тут у нас был, хитрый человек. Он мельником был, и колдуном его считали, и лечатся у него. Всё, видно, умеет. Так, бывало, с мельницы кони не могут уйти: заплатили мало. Две телеги с солодом до горы-то довели, кони и встали (Половодово Сол.). А вот мельница была на горе. Мельник жил один, тоже колдун был (Чермоз Ильин.). Тожо говорили: мельник с какой-то Марьей знатся. Тоже вроде как с пастухом леший, дак и она с мельником (Бондюг Черд.);*

пастух (пастухач, пастушиха, пастушка): *Есть простые пастухи, а есть знающие. Говорят, что он знающий. У него скот не разбегается, ходит кучкой (Камгорт Черд.). Про пастухов говорят, что они знали что-то, какие-то слова. Слова наговорит – коровы никуда не идут (Пянтег Черд.). Пастухи слова каки-то знают. Одна старуха пасла коров. Сидит и вяжет, а вокруг*

неё медведь ходит с коровами. Гляди: с медведем пасёт коров. Она его шлёпнула и говорит: «Уходи». И он ушёл (Губдор Краснов.). Пастух сам коров не пасёт, их леший пасёт. Филя у нас был, пастух. Берёт у него лешиак дойную корову и доит её. Пастух если ему мешать станет, дак выше ёлок летит (Б. Долды Черд.). Раньше у нас были такие пастухи, что наказывали: если кто к стаду подходит, голос свой обязательно подать должен. Эти пастухи с бесом знали, а это всё для того, чтобы лешего не увидел никто (Печинки Черд.). Как-то у наших соседей корова пропала. Пастух был знающий человек, с бесом знал. Микита у нас пас. Ему посулили бахила, да обмануть, видно, хотели. А он за этот обман что сделал: коровы-то мычат, а на двор не идут. А Микита бежит и кричит: «Бахилы, бахилы бегают». Сишили ему потом бахилы-то (Нырб Черд.). Хозяйку, которая ругалась из-за коровы, пастух стегнул вичкой. Заболела нога и заболела. Он знал чё-то, видимо (Нырб Черд.). Вот пастух у нас был, его боялись. Он мог даже корову сделать так, что корова мало молока будет давать. И на людей порчу наводит (Рябинино Черд.). Говорят, пастух с лешим знатся. Был у нас тут один пастухач, знался он с лешим. Коровы у него не пропадали. Звали его Лука. С нечистым знался. Всю жизнь пропас – ни одна корова не пропала (Купчик Черд.). В Кирьяновой пастушиха была Евдокия, Соколовой звали. Знался с окаянным. Выйдет на поле, три раза крикнет – весь скот на неё идёт. Двадцать пять лет пасла, и весь скот на неё шёл (Н. Шакшер Черд.). Вот у Серафима-то мать знающая была, эта старуха. Дак она коров пасла – вовсе не пасла, а он пас, враг-от. Она сама дома, а коровы ходят одне, где попало ходят. И вечером гуськом все идут домой (Ярапина Черд.);

печник: *Печь кладут тоже... плохо угостишь – дымиться будет. Сам печник что-нибудь сделает: то стёклышко положит, оно же прозрачное, не видно, или пёрышко. Весь дым в дом. Так скупым делали, подстраивали (Калинино Кунг.);*

строитель: *Видно, худо поугощают [строителей], есть сядут, отопки с печки летят. Строители уж такие знающие были (Пож Юрл.).*

Хочется отметить еще одну единицу, входящую в данную группу, – существительное **лесник:** [А где он учился колдовству, не рассказывал?] Как же! У лесного дедушки. Он долго лесником был, по лесам, по полям ходил. Там и научил его лесной дедушка всему. Рассказывал: «Я в каменку прошёл в двенадцать часов прямо в хай-

ло окоянному». *Не испугался, прошёл* (Сепыч Вер.). Появление лесника среди «знающих» людей не случайно. Во-первых, он так же, как и перчисленные выше люди, является специалистом в определенной области деятельности. Во-вторых, и это отчетливо видно из контекста, носители традиции объясняют его профессиональные умения связью с нечистой силой, в данном случае с лешим, «обитающим» в лесу и являющимся его мифическим хозяином.

В Пермском крае фиксируются и другие интересные единицы, говорящие не о разрушении, а о развитии и трансформации традиции. Например, существительные **врач** и **медсестра** называют профессии не деревенские, а – условно – городские, потому что предполагают получение специального образования, тоже могут быть отнесены к представляемой группе: *Колдунья мне на ходу делала. Перебежит дорогу мне, насыёт палки, дак всё уже – заболеешь. Она ездила везде. Ещё грамотна, врачом работала* (Иванкова Кудымк.). **Медсестра** она. *Поставит банки – человек заболеет раком. И детей научила это делать* (Губдор Краснов.). *Всё ходила лечила медсестра. На неё говорили, что она колдунья* (Камгорт Черд.). *Наша дубровская девочка жила за Кунгуром, работала там медсестрой. И она начала портить людей... У неё подруга была санитарка. И она видела, что медсестра всё время бутылочку какую-то достаёт и обратно прячет. Она украла эту бутылочку, а там зелье какое-то оказалось. Её спрашивали, сколько женщин она испортила. А она отвечала: «А сколько ко мне на приём приходило»* (Дуброво Ел.).

В данной работе мы охарактеризовали только одну часть именных единиц «Словаря демонологической лексики Пермского края. Часть 1. Люди со сверхъестественными свойствами» – слова, называющие социальные группы жителей пермской деревни, которые на основании разных признаков относятся к категории «не своих», «чужих». Этими признаками могут выступать внешние черты (особенности облика и физические аномалии) человека, иная этническая, конфессиональная, территориальная принадлежность, профессиональное владением каким-либо делом. Интегрирующим для всех единиц значением является непохожесть людей, обозначенных этими единицами, на типичное большинство деревенского сообщества.

Примечание

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта, выполняемого в рамках тематических планов по заданию Министерства обра-

зования РФ, № 6.3782.2011, гранта РГНФ № 2-34-01043.

Список литературы с сокращениями

Белова О. В. Этнические стереотипы по дан-ным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование): дис... докт. филол. наук. М., 2006. 264 с.

Белова О. В. Цыган // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012а. С. 493–497.

Белова О. В. Черный цвет // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отн., 2012б. С. 513–518.

Березович Е. Л. Чудь // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отн., 2012. С. 560–562.

Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Востриков О. В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. V. Магия и знахарство. Народная мифология. Екатеринбург, Свердлов. обл. Дом фольклора, 2000. 172 с.

Дранникова – Мифологические рассказы Архангельской области / сост. Н. В. Дранникова, И. А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. 304 с.

Криничная Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Акад. Проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.

КСРГСПК – *картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края».*

Левкиевская Е. Е. Демонология севернорусского села Тихманьги // Восточнославянский лингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 432–476.

Левкиевская Е. Е. Словарь-указатель мифологических имен и названий // Мифы русского народа. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «Люкс», 2005. С. 353–362.

Мороз – Знатки, ведуны, чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под общ. ред. А. Б. Мороза. М.: ФОРУМ; Нелит, 2013. 592 с.

Полякова Е. Н. Память языка: рассказы о лексике пермских памятников письменности и говоров. Пермь: Кн. изд-во, 1991. 206 с.

РДС – *Русский* демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб.: Петерб. писатель, 1995. 640 с.

СМ – *Славянская* мифология: энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отн., 2011. 512 с.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. М.; Л., 1965–2011. Вып. 1–44 (издание продолжается).

Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ, РГГУ, 2010. 432 с.

Черепанова – *Мифологические* рассказы и легенды Русского Севера / сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 212 с.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера, Л., 1983. 169 с.

Черных А. В. Народы Пермского края. История и этнография. Пермь: Пушка, 2007. 926 с.

Условные сокращения районов Пермского края

Гайн. – Гайнский

Ел. – Еловский

Ильин. – Ильинский

Караг. – Карагайский

Кос. – Косинский

Краснов. – Красновишерский

Кудымк. – Кудымкарский

Куед. – Куединский

Кунг. – Кунгурский

Нытв. – Нытвенский

Орд. – Ординский

Ос. – Осинский

Охан. – Оханский

Сив. – Сивинский

Сол. – Соликамский

Уинск. – Уинский

Юрл. – Юрлинский

Черд. – Чердынский

PERCEPTION OF “ALIEN” AND “PROFESSIONAL” AS A SORCERER, HEALER (on the data of “A Dictionary of Perm Krai demon vocabulary. Part 1. People with supernatural abilities”)

Irina I. Rusinova

Reader of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State National Research University

The article is devoted to the lexical units of “A Dictionary of Perm Krai demon vocabulary. Part 1. People with supernatural abilities” denoting people who are considered by village people as having magic abilities. These words denote people, perceived by other people as “aliens”, on the basis of a property: they have distinct appearance (limbless, humpbacked, blind, black-eyed, red-headed), a different nationality (native of Perm, Tartar, German), religion (Old Believer) or profession (a shepherd, farrier, smith, miller, doctor). It is deduced that affiliation to the group “alien” for village people is the reason of a man reference to potentially dangerous and attributing him/her supernatural abilities.

Key words: folk demonology; Perm Krai demonology vocabulary; sorcerer; healer; alien; professional.